

А. Б.

Ты куда безоглядно спешишь,
Одичавшее новое племя?
Не ответит промозглая тишь,
Не излечит грядущее время.

Ты обиды и зла не таи,
Но признайся в последней печали:
Сами рушили храмы свои,
Сами братьев своих убивали.

Как легко наслаждаться гульбой
И своё самолюбие тешить,
Обвиняя и нерусь и нежить
В том, что сами творили с собой.

Я об этом молчать не могу.
Ну, а впрочем, пусты разговоры.
Красной кровью на белом снегу
Отпечатались наши раздоры.

Наш спор

Станиславу Куняеву

Хотел сказать: мы целым миром правим,
А вас дожать не стоит ничего...
Сказал: — И всё равно мы вас задавим!..
Но испугался слова своего.

И посмотрел глазами спаниеля,
Вокруг зрачков блестела кровь веков...
Мели Емеля, знать твоя неделя,
Я выслушаю без обиняков.

Там на Синае в огненной пустыне
Тельца разрушил грозный Моисей,
Но в тёмных душах он живет поныне,
Рождая бред сомнительных идей.

Но никогда наш спор не разрешить,
Продлится он за дьявольским туманом.
Кровавого инстинкта не изжить
Ни подкупом, ни лестью, ни обманом.

Мы ждём врагов на наших рубежах,
Нам есть с кем поделиться вящей славой.
Вам остается ненависть и страх
И вечный плач неверный и лукавый.

Мать

Уляжется ночь у порога,
Свернётся в углу тишина.
— Кто есть у тебя кроме Бога? —
Одна ты, повсюду одна.

И в этой недвижимой сини,
Объявшей глухой окоём,

Ты думаешь только о сыне,
О сыне, о сыне своём.

И мысли твои за слезами,
К нему устремляясь в полёт,
Бессильными машут крылами,
Как лебеди, вмёрзшие в лёд.

Сон

Закат лазури золотой
Просыпался в межу.
Об этой памяти святой
Кому я расскажу?

Я слышу, тёзка мой степной,
Мой дикий василёк
Зенит, звенит передо мной,
Смеётся возле ног.

С кем разделю восторг, что я
В сиянье вижу, вот
Навстречу матушка моя
Умершая идёт.

Она идёт через ложок
Навстречу мне, зовёт,

Я слышу голос: Ва-си-лѣк...
Родной, знакомый, тот...

И я в ответ машу рукой,
Мне страшно сделать шаг.
И плачет голос молодой
В высоких васильках.

Белый парус

Я уплываю, и время несет меня
С края на край.
С берега к берегу,
С отмели к отмели,
Друг мой, прощай.

Рабиндранат Тагор

Я кораблик пускал в золотистый ручей,
Отражаясь в глазах бедной мамы моей.

Страшно думалось ей, стану я моряком
И навеки покину родительский дом.

Догорала лазурь в её синих глазах,
Не пролившийся дождик блестел на щеках.

Подгоняемый ветром кораблик плывёт,
Не боится ни шторма, ни гиблых широт.

«Лабонно, не забудь своего Омито,
Омито не забудет свою Лабонно...»

Не ходил я войной по чужой стороне,
Не омыл я сапог в океанской волне,
И не надо, родные, грустить обо мне.

Труп холодный обгложет клыками огня —
В воды Ганга — священные — бросьте меня.

Калина

Г. Б.

Во дворе у меня заалела калина,
Вот ударит мороз, и созреет она.
А к калине одна только рифма — Галина,
Из осеннего детства из яркого сна.

Я люблю эту зрелую позднюю горечь,
И срываю, и ягоды мну языком.
А наивная память — картинка всего лишь,
Открываешь глаза, забываешь о том.

Как, водою ступая, идёшь по крылечку,
Поскользнёшься, боюсь. Так прозрачно светла!
— В каждой яголке вместо семян — по сердечку!
Это ж надо, — сказала ты и замерла.

И осталась одна в синем воздухе стылом,
Как на выцветшем фото в старинных тонах,
Ты стоишь, прислонившись к высоким перилам,
С театральной гроздью калины в зубах.

* * *

Мне русские люди дороже,
Какой-нибудь драный алкаш,
Побитый, ни кожи, ни рожи, —
Мне душу пронзает до дрожи
Никчемный. Отверженный. Наш...

В ладонь ему сунешь пятак.
— Родимый, да что же ты так...

Водосток

Стихи, написанные ночью

Гонит ветер из ближней степи
Тучи пыли и мрака...
Снова жёлоб гремит на цепи,
Как дурная собака.

Будь ты проклят, несчастный лоток!
Мутишь душу больную,
Направляя стихийный поток
Прямо в бочку пустую.

Не забиться ему в конуру,
Будет брякать и брякать.

Предвещая и мне поутру
Богомерзкую слякоть.

Утром встану, возьму молоток
И гвоздей в рукавицу...
Третий год собираюсь, браток,
Укрепить черепицу.

Пустьяковина, пару гвоздей
Зашпандорить под стреху.
Сколько ночью приходит идей —
Удавиться со смеху...

Голос в трамвае

Это что творится, люди?	Всё равно, хотя бы на ночь,
Журналисты говорят:	Свой отстёгивал протез.
Силиконовые груди	
Нынче в моде у девчат.	На траве ли, на соломе,
	Обнимая вашу мать,
Инвалиды раньше были,	Натуральные объёмы
Ну, допустим, нет ноги,	Мы любили осязать.
Сыромятные им шили	
По заказу сапоги.	Мир науки слишком тонок,
	А пока там то да сё,
Фронтоник Андрей Иванович,	Скоро будет у девчонок
Хоть и веровал в прогресс,	Силиконовое всё...

* * *

Нет, весь я не умру...
А.С. Пушкин

Километры бессмысленных строк —
Кубометры загубленных елей.
Вот такой вдохновенный итог
Поэтических трелей.

Ты свисти, стихотворец, свисти
Во тщеславном задоре.
Но тебя остановит в пути
Смерч пустыни и выбросит в море.

Там, пуская свои пузыри,
Ты смотри только весь не умри,
И тебе это будет награда —
Мёртвый лес восстанавливать надо.

Улетают

Памяти Виталия Крёкова

Умер Крёк. Отчего же не верю?..
Нет, он просто ушёл,
Этой замкнутой дверью.
Да, сейчас он вернётся, войдёт,
Мы корзины возьмём
И по первому свету
За грибами пойдём.

Будут петь ему птицы,
Ему на макушку садиться,
Прилетели не встретиться с ним,
Не проститься, —

Он из этой же стаи,
Он знает их лица.
Они были всегда,
Этот дрозд, этот чечет, и эта синица.

Коль по правде,
Прилёт их не выглядит странным.
Он свободно общался
На их языке иностранном.

Я жалею всех птиц,
Как жалеют калеку...
Птичье прозвище
Зря не дают человеку.

Улетают...
И мне не поможет лисица
В прошлогодние прелые листья зарыться,
Чтоб не выказать слёз.

Дачник

«Да что вам сказать? Да конечно, вы правы:
Постылая жизнь, как еда без приправы.
Слезу вышибает мне тёщина редька,
Ответил бы ей, да услышит соседка.

Жена ненароком подсыплет мне перца,
Терпеть не могу, но полезно для сердца.
И дочь растирает пахучие травы...
Уж лучше б насыпала в суп мне отравы.

Без резкого соуса пресен грибочек».
Смотрю — старичок, недомерок-пенёчек,
Пригнувшись, ворчливо бредёт между кочек:
«Сестрица-горчица, сыночек-хреночек...»

Почти детское

Щеголиха от щегла
Щеголёнков родила,
Не хватает веток
Для шустрых сеголеток.

Гол щегол, как сокол.
А такой детсад завёл.

* * *

Собака за возом бежит,
Бежит и за полой телегой.
С утра просыпайся и бегай,
Здоровье — большой дефицит.

Возница и зол, и продрог,
Озлобленно лошадь стегает.

Собаке не важен итог,
Собака о смысле не знает.

Ты можешь сухарик жевать,
Питаться здоровыми шами, —
Телегу с твоими мощами
Тебе всё равно не догнать.

На мотив частушки

А народ у нас красивый,
Женщины особенно.
Я один, как мерин сивый
Со спиною сгорбленной.
С бородой седой и древней

Рассекаю по деревне.
Костыли мои кривые —
Мои стулья венские.
А глаза летят живые
На фигуры женские...

Пегас

Бывало, чуть поднимаешься с постели,
Пегашку оседлаешь и — вперёд!
Ещё стихи остынуть не успели,
Их примеряешь в твёрдый переплёт.

Проходит жизнь ни валко и ни шатко.
Стал нитроглицерин важней стихов.
А эта обнаглевшая лошадка
Ржёт надо мной остатками зубов...